

**Полное собрание сочинений
Д. И. Фон Визина**

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П51

П51 Полное собрание сочинений Д. И. Фон Визина: Часть 3 / – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 168 с.

ISBN 978-5-521-28522-8

ISBN 978-5-521-28522-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

П О Л Н О Е

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Д. И. ФОНЪ ВИЗИНА.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ
ВЪ ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ.

Беззаконія моя азъ познахъ
и грѣха моего не покрыхъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Славный Французскій Писатель Жанъ-Жакъ Руссо издалъ въ свѣтъ Признанія, въ коихъ открываетъ онъ всѣ дѣла и помышленія свои отъ самаго младенческаго ; словомъ, написалъ свою исповѣдь, и думаетъ, что сей книгъ его какъ не было примѣра, такъ не будетъ и подражателей.

Я хочу, говоритъ Руссо, показать чело-вѣка во всей истинѣ природы, изобразивъ одного себя. Вотъ какой подвигъ имѣлъ Руссо въ своихъ признаніяхъ.

Но я, приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни моей, прешедъ слѣдственно половину жизненнаго поприща и одержимъ будучи

трудною болѣзнію, нахожу, что едва ли остается мнѣ время на покаяніе, и для того да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другаго подвига, кромѣ раскаянія Христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего, и беззаконія моя азъ возвѣщу. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое: *Господи! не уклони сердца моего въ слова лукавствія, и сохрани во мнѣ любовь къ истинѣ, юже вселилъ еси въ душу мою.*

Но какъ Апостоль глаголетъ: *исповѣдуйте убо другъ другу согрѣшенія*, разумѣется, ваши, а не чужія; по я и почитаю за долгъ не открывать имени тѣхъ, кои были орудіемъ грѣха и порока моего, ниже именъ тѣхъ, кои приводили меня въ развращеніе; напрошивъ того со слезами благодарности вспомню имена тѣхъ, кои мнѣ благодѣтельствовали, кои сохранили ко мнѣ долговременное дружество, кои имѣли въ болѣзнь мою обо мнѣ состраданіе, и кои наконецъ наставленіемъ и совѣтомъ своимъ совращали меня съ пути грѣшника и ставили на путь праведенъ.

Не утаивая ничего изъ содѣяннаго мною зла, скажу безъ прибавки и все то, что сдѣлалъ я, слѣдуя гласу совѣсти. И если между множествомъ согрѣшеній случилось мнѣ въ

жизни сотворить нѣчто благое, то признаю и исповѣдую, что сіе не опъ меня происходило, но опъ самаго Бога, вся благая намъ дарующаго: Тому единому восписую благія дѣла мои, Ему единому за нихъ благодарю и Его молю, да мя въ семъ благомъ утвердитъ до конца жизни.

Сіе испытаніе моей совѣсти раздѣлю я на четьре книги. Первая содержать будетъ мое младенчество, вторая юношество, третья совершенный возрастъ и четвертая приближающуюся старость.

Прежде нежели начну я мое повѣствованіе, необходимо надобно описать свойства тѣхъ моихъ ближнихъ, къ коимъ я въ теченіи жизни моей имѣлъ болѣе отношенія. Да не причтется мнѣ въ приспращіе, ежели я, говоря правду, скажу нѣчто похвальное о ближнихъ моихъ: ибо я въ справедливости моей ссылаюсь на тѣхъ, кои ихъ знали.

Отецъ мой былъ человѣкъ большаго здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтитъ себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ Рускія книги, изъ коихъ любилъ опмѣнно Древнюю и Римскую Исторію, мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный Христіанинъ, любилъ правду и

такъ не перпѣлъ лжи , что всегда краснѣлъ , когда кѣто лгалъ при немъ . не устыжлся . Въ переднихъ тогдашнихъ значныхъ вельможъ никто его не видывалъ , но не пропускалъ ни одного праздника , чтобы не быть съ почщеніемъ у своихъ начальниковъ . Ненавидѣлъ лихоимства , и бывъ въ такихъ мѣстахъ , гдѣ люди наживаются , никакихъ никогда подарковъ не принималъ . «Государь мой!» говаривалъ онъ приносителю , «сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника : извольте ее опнеси назадъ , а принесите законное доказательство вашего права.» Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ .

Отецъ мой жилъ слишкомъ восемнадцать лѣтъ . Причиною сему было воздержное Христіанское житіе . Онъ горячихъ напитковъ не пилъ , пищу употреблялъ здоровую , но не объѣдался . Былъ женатъ дважды , и во время супружества своего никакой другой женщины , кромѣ жень своихъ , не зналъ . За картами ни одной ночи не просиживалъ , и словомъ , никакой страсти , возмущающей человѣческое спокойствіе онъ не чувствовалъ . О , если бы дѣши его были ему подобны въ тѣхъ качествахъ , кои составляли главныя души его свойства , и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно!

Отецъ мой былъ характера весьма вспыльчиваго, но незлопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостію; но не взирая на сіе, въ домъ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей. Не взирая на свою вспыльчивость, я не слыхалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ онъ дѣломъ пропиву совѣспи. «Мы живемъ подъ законами,» говаривалъ онъ, «и стыдно, имѣя таковыхъ священныхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызовъ на дуэль есть не что иное, какъ дѣйствіе буйственной молодости.» Наконецъ долженъ я сказать къ чести отца моего, что онъ, имѣя не болѣе пяти сотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долгу. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ дѣшамъ его кажется непоспимимо. Но ничто не доказываетъ такъ великодушнаго чувствованія отца моего, какъ поступокъ его съ роднымъ братомъ его. Сей послѣдній вошелъ въ долги, по состоянію своему неоплаченные. Не было уже никакой надежды къ извлеченію его изъ погибели. Отецъ мой былъ тогда въ цвѣтущей

своей юности. Одна вдова, старуха близъ семидесяти лѣтъ, влюбилась въ него, и обѣщала, ежели на ней женился, искупить имѣніемъ своимъ брата его. Отецъ мой по единому подвигу брапской любви не поколебался жертвовать ему собою, женился на той старухѣ, будучи самъ осьмнадцати лѣтъ. Она жила съ нимъ еще двѣнадцатъ лѣтъ. И отецъ мой спарался объ успокоеніи ея старости, какъ должно Христіанину. Надлежитъ признайся, что въ нашъ вѣкъ не встрѣчаются уже такіе примѣры братолубія, чшобъ молодой человѣкъ пожертвовалъ собою, какъ отецъ мой, благосостоянію своего брата. Вторая супруга отца моего, а моя мать, имѣла разумъ тонкой, и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадапельно, и никакой злобы въ себя не вмѣщало: жена была добродѣпельная, мать чадолубивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ попъ, опъ котораго за добродѣтели ихъ благодать Божія никогда не опнималась. Въ семъ домѣ проведено было мое младенчество, котораго подробности въ слѣдующей книгѣ чшпатель найдеть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Господи! даждь ми помысль исповѣданія грѣховъ моихъ.

Не еспешивенно челоѡѡку помнишь первое свое младенчество. Я никакъ не знаю себя до шеспи лѣтъ возраста. Но безъ сомнѣнїа имѣлъ и я въ себѣ то зло, которое у другихъ младенцевъ видашь случается, то есть: злобу, неперпѣнїе, любоспяжанїе и припворство; словомъ, начатки почти всѣхъ пороковъ, кои уже окореняются и возрастають отъ воспитанїа и отъ примѣровъ. Не знаю, для чего отнимали меня отъ кормилицы уже поздно. На третьемъ году случилось со мною сїе лишенїе, которое, какъ сказывалъ мнѣ самъ отецъ мой, переносилъ я съ ужаснымъ неперпѣнїемъ и тоскою. Однажды онъ подошедъ ко мнѣ, спросилъ меня: грустно тебѣ, другъ мой? А такъ - то грустно, батюшка, отвѣчалъ я ему, запрепавъ отъ злобы, что я и себя и себя теперь же вдавилъ бы въ землю. Сїе сильное выраженїе скорби показывало уже, что я чувствовалъ сильнѣе обыкновеннаго младенца. Въ четыре года начали учить меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнаго.

Теперь пришло мнѣ на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о которомъ я никогда никому не ска-

зывать, и которое здѣсь упомяну для того, что можно изъ него вывести нѣкоторое правило, полезное для дѣтскаго воспитанія. Родипелей моихъ нерѣдко посѣщала родная сесипра отца моего, женщина кропкая, и насъ племянниковъ своихъ любила искренно. Она часто ѣзжала въ домъ одного славнаго тогдашняго карпочнаго игрока, и всегда отъ него привозила къ намъ нѣсколько игоръ карпъ, коими насъ дарила. Я не могу изъяснить, сколько я приспираспился къ карпамъ съ красными задками, и бывалъ внѣ себя отъ радости, когда такія карпы мнѣ доставались; но сіе случалось рѣдко. Сколько хипростей, обмановъ и лукавства употреблялъ мой младенческой умишка, чпобъ на дѣлу доставались мнѣ карпы съ красными задками! Но какъ хипрости мои рѣдко удавались, то пришелъ я въ уныніе, и для полученія желаемого, рѣшился испытать другой способъ, и чистосердечно открыться самой тешушкѣ о моей печали; но признаюсь, что и тутъ употребилъ я нѣкоторую хипрость, а именно: нашедшись съ ней наединѣ, составилъ я лице такое печальное и такое простодушное, что тешушка спросила меня сама: о чемъ ты тужишь, другъ мой? На сей вопросъ признался я въ пристрастіи моемъ, и повиняся, что я ихъ всѣхъ обманывалъ, просилъ, чпобъ

впередъ на дѣлу доставались мнѣ любимыя каршы. Ты хорошо сдѣлалъ, другъ мой, что мнѣ искренно открылся, сказала она: я для тебя привозить буду всегда особливо игру съ красными задками, кои въ дѣлежъ входить не будутъ. Я въ восторгъ пришелъ отъ сего отзыва, и тогда жъ почувствовалъ, что идти прямою дорогою выгоднѣе, нежели лукавыми спезями. Но должно признаться, что въ теченіе жизни я не всегда держался сего правила; ибо случались со мною такія обстоятельства, въ которыхъ долженъ былъ я или погибать, или приняться за лукавство: не скрою однако жъ и того, что во время младенчества моего, имѣя отца благоразумнаго и справедливаго, удавалось мнѣ получать желаемое чаще, слѣдуя чистосердечію, нежели прибѣгая къ лукавству. И я почти вѣнуженно увѣренъ, что воспитатели, ободряя младенцевъ избирать во всемъ прямой путь, предусмѣютъ тѣмъ гораздо лучше вкоренивъ въ нихъ привязанность къ истинѣ и пріучивъ къ чистосердечію, нежели оставляя безъ примѣчанія малѣйшія ихъ дѣянія, въ коихъ душевныя ихъ свойства обнаруживаться могутъ. Но истинѣ, не могу я словами изъяснить, сколь сильны пристрастія и самаго младенчества. Я могу сказать, что на картахъ съ красными задками голова моя повернулась. Полученіе

ихъ составляло нѣкоторымъ образомъ мое блаженство. И въ самомъ Римѣ едва ли дѣлали мнѣ такое удовольствіе арабески Рафаэлевы, какъ тогда карты съ красными задками. По крайней мѣрѣ, смотря на первое, не чувствовалъ я того наслажденія, какое ощущалъ отъ любимыхъ моихъ картъ, будучи младенцемъ.

Чувствительность моя была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, спалъ рассказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ рассказываніи его не было никакого украшенія; но какъ повѣсть сама собою есть весьма прогашельная, то очень скоро навернулись слезы на глазахъ моихъ; потомъ началъ я рыдать неутишно. Іосифъ, проданный своими братьями, расперзалъ мое сердце, и я не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будущъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю; у меня разболѣлся зубъ, отвѣчалъ я. И такъ отвели меня въ мою комнату, и начали лечить здоровой мой зубъ. Батюшка, говорилъ я, я всклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я отъ того, что мнѣ жаль стало бѣднаго Іосифа. Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я потчасъ не сказалъ ему правду. Я постыдился, отвѣчалъ я, да и побоялся, чтобы вы не пере-